УДК 141.32:124.5(470+571) DOI: 10.5281/zenodo.22770705 EDN: QUASUT

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

© **2026** ***Н. Н. Емельянова***
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье исследуются особенности отечественного философствования, предопределившие экзистенциальный выбор народов России. Рассматриваются идеи русских мыслителей, схватывающих своей мыслью реалии как российского, так и западноевропейского бытия. Анализируются теории отечественных философов, содержащие одновременно и рационально выверенные умозаключения, и страстные поиски правды, свойственные русской душе. Доказывается, что ментальные особенности русского национального характера обусловили специфику отечественного философствования. Ценностные принципы, положенные в основу идей русских мыслителей, необычайно актуальны в наше время, вобравшее в себя и успехи, и провалы информационного универсума.

Ключевые слова: отечественное философствование, особенности, ментальность, Россия.

Известно, что Г. Гегель определил философию как эпоху, схваченную в мысли (мыслью). Это действительно так: важнейшие черты и потребности той или иной эпохи всегда становились предметом размышлений интеллектуалов, стремившихся познать насущные задачи своего времени. Немецкие классики видели назначение человека–творца в преобразовании мира по законам разума и красоты. По сути, ту же задачу ставили наши отечественные философы, схватывающие своей мыслью реалии как российского, так и западноевропейского бытия. При этом в свои философские теории они вкладывали и рационально выверенные умозаключения, и страстные поиски правды, свойственные русской душе. Специфика их философских построений была обусловлена ментальными особенностями русского национального характера. Ценностные принципы, положенные в основу идей русских мыслителей, необычайно актуальны в наше время, вобравшее в себя не только успехи и провалы информационного универсума, но и глобальную напряженность международного экзистенциального противостояния. Метафизические проблемы, поставленные в свое время нашими гениальными соотечественниками, обретают новое звучание в реалиях современного бытия.

Целью статьи является выявление особенностей отечественного философствования, предопределивших экзистенциальный выбор народов России.

Каждой эпохе и каждой исторической общности свойственны отличительные черты, определяемые ментальным своеобразием и спецификой своего времени. На Руси традиции философствования зародились после принятия христианства: воспринимая Библию как зашифрованный текст, первые писатели-богословы обращались к насущным проблемам бытия мира и человека. Подавляющее большинство русских философов исповедовали христианскую веру, не всегда понимаемую ортодоксально. Комментируя тексты Священного писания, они обращались к душе русского народа, видя в ней могучую духовную силу. Отвергая схоластический стиль философствования, они демонстрировали экзистенциальное мироотношение, в котором находили место и гордость за принадлежность к великой русской культуре, и боль за испытания, выпавшие на ее долю.

Размышляя о философских построениях В. Белинского, Д. Писарева, В. Соловьева, С. Франка и других отечественных мыслителей, А.Ф. Лосев подчеркивал: «Русская литература есть вопль против созерцательности, отвлеченности, схематизма;

и вся она есть художественная и моральная исповедь и проповедь, политический памфлет и разоблачение, религиозное и социальное пророчество и воззвание, сплошная тревога и набат, но ни в каком случае не отвлеченное рассуждение, не логическая система, не методическое построение» [1, с. 511-512].

Экзистенциальная основа отечественного философствования обусловила его ментальные особенности: соборность, понимаемую как духовный коллективизм, основанный на православных ценностях; отчетливо выраженную этическую направленность; тесную связь философии и художественного творчества; способность воспринимать мир в его трагичности и верить в мессианскую роль России. В работах русских мыслителей эти особенности выступали как единое целое: расшифровка библейских текстов и размышления о глубокой религиозности русского народа были неотделимы от моральных исканий, литературные тексты пронизывались фундаментальными философскими идеями, любовь к Отчизне вмещала в себя и нерушимый патриотизм, и экзистенциальную тревогу за будущее России. Нравственные ценности органично увязывались со способами участия индивида в грандиозном ходе истории, в осуществлении мировой миссии России. Так или иначе, все размышления русских философов сводились к поискам духовного единения и правильной жизни, раздумьям о добре и зле, о свободе нравственного выбора и творческого самосозидания. Не преуменьшая заслуг западной культуры, отечественные мыслители выявляли ее теневые стороны и отстаивали собственные национальные приоритеты. Концептуальные основы русского философствования охватывали все значимые проблемы той эпохи, в которую довелось жить нашим талантливым соотечественникам.

Примечательно, что ментальные особенности русского любомудрия были предметом размышлений не только профессиональных философов России, но и представителей многих творческих профессий – писателей, поэтов, художников. Выдающиеся мастера слова, как и деятели искусства, были подлинными служителями Отечества, осознававшими и величие, и трагичность своей миссии: быть глашатаями русской Идеи, нести в мир правду о русском духе. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Н.К. Рерих, А.А. Блок, С.А. Есенин, Л.Н. Андреев, М.А. Булгаков, Д.С. Лихачев, А.А. Зиновьев – далеко не полный перечень гениальных творцов, составивших славу и национальную гордость России. Будучи великими мыслителями, они впитывали в себя вековую боль родной земли и радели о будущем Отчизны.

В книге с показательным названием «Заметки о русском» Д. Лихачев отмечал: «Великие мастера слова и выдающиеся русские художники вкладывали в свои творения глубокое философское содержание» [2, с. 469]. Неслучайно известных во всем мире А.С Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, а также представителей русского символизма – Андрея Белого, Леонида Андреева, Дмитрия Мережковского и многих других считают не только выдающимися писателями и поэтами, но и незаурядными философами. Экзистенциальная направленность их творчества обусловила пронзительно тревожную и одновременно оптимистическую смысловую нагрузку их произведений. При всем различии литературных стилей тексты русских писателей содержали мучительные поиски ответов на вечные вопросы земного бытия, касающиеся взаимоотношений человека с миром, с самим собой и с Богом. Д. Лихачев, считавший Илариона, Владимира Мономаха, А. Рублева, М. Ломоносова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, М. Мусоргского, Н. Рериха оригинальными русскими мыслителями, писал об этой уникальной растворенности философии в поэзии, музыке, иконописи. Причину такого феномена ученый находил в своеобразной конкретности

русского мышления, нацеленного на познание окружающего мира, что предполагает его художественное осмысление. Отсюда – стилистическое единство, проявляющееся в литературе, искусстве, архитектуре и т. д.: «Это художественное понимание мира отличается гораздо более сильным внутренним ощущением общего в мире, чем логическое его познание» [2, с. 469].

Предвосхищая выводы Д. Лихачева, на философское содержание русской литературы указывал С.Л. Франк, считавший ее выражением самых значительных и актуальных идей. Особенно важным он считал конкретный интуитивизм русской философии, обусловивший концентрацию внимания на кардинальных мировоззренческих вопросах бытия. В творчестве Достоевского, Толстого, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя он находил глубокое философское восприятие жизни и психологическую глубину, в которую погружен личностный микрокосмос. Все известные отечественные поэты, писал он, одновременно были религиозными мыслителями: «... не профессиональными богословами, не официальными иерархами церкви были те, кто (по крайней мере в XIX веке) способствовал развитию всего самого значительного и действительно оригинального в религиозно-философских идеях России, а, напротив, свободными, светскими мыслителями и писателями» [3, с. 186].

Современные исследователи этнокультурного потенциала России также указывают на «осевые» произведения национальной культуры, в которых осмысливаются и художественно воплощаются наши основополагающие ценности: «В этом плане "Русский мир" немыслим без творений Пушкина и Достоевского, Глинки и Рахманинова, Сурикова и Нестерова, Хомякова и Флоренского» [4, с. 226]. Обращается внимание и на выдающуюся роль Н.К. Рериха, изучавшего историю взаимодействия народов, в том числе анализировавшего северные корни становления Руси–России, а также роль Азии как колыбели духовного созидательного процесса. Выдающиеся отечественные писатели и художники приносили свои таланты, а порой и свои жизни на алтарь служения Родине, истине, искусству.

Выделяя такую черту, как способность русских мыслителей воспринимать мир в его трагичности, Д. Лихачев подчеркивал, что эта интенция пронизывает и бытие природы, и ход мировой истории; она присуща даже знаменитой русской удали и самой русской доброте. Но отсюда – и отсутствие у русских чувства национальной исключительности, и благородство по отношению к поверженным врагам. Неслучайно В. Соловьев, разрабатывая философию Богочеловечества, призывал любить на только свой народ, но и все другие народы, пополняя духовную сокровищницу наших великих предков гуманистическими наработками иных культур. Однако эта способность к сочувствию всем людям, включая врагов, имела оборотную сторону: русские люди, не подверженные национальному высокомерию, подчас испытывали преклонение перед иностранцами.

О трагических чертах русской интеллигенции с болью писал Ф.М. Достоевский, осуждавший ее гипертрофированную деликатность, граничащую с лакейством перед Европой. Превратно понимаемые честь и достоинство, боязнь открыто демонстрировать национальную гордость породили удивительную легковесность и способность к соглашению, готовность надеть «мундир деликатности» и уступить чужому мнению. В результате этого «европейничания» русской интеллигенцией было утрачено чувство самодостаточности и самостоятельности личности. В период войн так называемые «хорошие русские» опасались наших побед, которые якобы могут породить себялюбие и шовинизм. На самом деле русские люди, в том числе на полях сражений, отстаивали не только свою, но и европейскую свободу. Но, освободив Европу от Наполеона, они получили в ответ подозрения и недоброжелательство; способствуя укреплению

чужеземных держав и оберегая их тылы, они столкнулись с ненавистью и лицемерием. Достоевский считал, что, втайне презирая Россию, Европа держит камень за пазухой и ждет удобного повода для ее ослабления. Русские всегда будут для нее самозванцами, чуждыми их цивилизации: «Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина!» [5, с. 801].

Между тем, отмечал Достоевский, европейский либеральный цикл идей демонстрирует неясность и неопределенность чужих мыслей и привычек, русскому человеку ненужный и малопонятный. Поэтому необходимо обрести самоуважение, осознать собственное предназначение и понять, что западная цивилизация технична и бездуховна, а братство, проповедуемое европейскими идеологами, носит искусственный характер. Напротив, в русской душе, лишенной эгоцентризма, идея братства пребывает в природе личности и не существует в отрыве от общества. Исследуя специфику русского и западного мировоззрения, писатель указывал, что в Европе давно разработан прагматичный кодекс правил, где добро и зло тщательно взвешено и определено. Размышляя об истинных и ложных ценностях, Достоевский обращался к понятию просвещения и призывал черпать его не из зарубежных источников, а из своих собственных, отечественных. Истинное просвещение – не в науке и не в слепом следовании законам, а в духовном свете, озаряющем внутренний мир человека. Писатель поставил диагноз просвещенной Европе: она поражена страшной болезнью – обоготворением человека. Этой роковой человекоцентричности Достоевский противопоставил православную христоцентричность. Русский народ, выдержавший многие столетия страданий и испытаний на прочность, сумел просветиться, пройдя главную школу христианства. Поэтому надо сбросить ярмо западной цивилизации, отринуть ложную мудрость иезуитов и бросить все силы на строительство цивилизации «славянского всечеловека». Европейскому «человекобогу» необходимо противопоставить Богочеловека Христа и тем самым сберечь Православие.

Подвергая критике величие европейской цивилизации, на деле являющейся нелепой и бесчеловечной, писатель подчеркивал стремление русских к всечеловеческому единению, берущему начало во времена петровской реформы. Основу этой реформы он видел не в утилитарных соображениях, а в готовности русского человека к грядущему воссоединению. Быть подлинно русским означало для него осуществить истинное братство в рамках всего человечества, осознать свое всемирное назначение. Русские люди способны всем сердцем принять гениев других наций, снять кажущиеся непримиримыми противоречия, сказать миру новое слово, «а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [5, с. 723].

Понимая всю фантастичность этого глобального проекта, Достоевский, тем не менее, настаивал на великом предназначении соотечественников и находил подтверждение этому в двухвековой истории России, бескорыстно служившей Европе во имя будущей всечеловеческой гармонии. Следы этого всемирного братского служения он обнаружил в творчестве А.С. Пушкина, показавшего всему миру величие русского духа. Именно Пушкин глубоко постиг назначение своего народа и в то же время чутко откликнулся на духовные запросы Европы, «засвидетельствовал о всечеловечности и о всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и всевозрождающего в нем начала» [5, с. 679].

Последователями А. Пушкина Достоевский считал М. Лермонтова и Н. Некрасова. Характеризуя байрониста Лермонтова как мрачного и капризного поэта, он, в то же время,

отмечал, что тот, вслед за Пушкиным, уверовал в народную правду и по отношению к народу демонстрировал светлую ясность слога, любовь и почитание. Точно так же Н. Некрасов, постигший суть русской души, своим талантом и служением народу выражал осознанную гражданскую позицию и осуществлял глубокое нравственное самоочищение. Великие отечественные писатели и поэты всегда вплетали свою судьбу в настоящее и будущее России. Достоевский выражал надежду на то, что новые поколения русских людей смогут окончательно утолить европейскую тоску, живущую в их душах, и возвестить человечеству новое слово. Вобрав в себя весь опыт прошлого, они найдут точку опоры в уважении к своему народу и самоотверженном служении Отчизне. Для этого нужно добиться духовного единства интеллигенции и народа, возродить уважение к земле, изжить в себе «крепостную» зависимость от Европы. Думается, эти мысли актуальны и в наше время: русской интеллигенции необходимо развивать и укреплять чувство самодостаточности и личностного самоуважения.

Примечательно, что, резко критикуя подражание Европе, Достоевский обращал внимание на двойственность русских, которые по природе своей не только европейцы, но и азиаты. На союз с Азией, которая может оказаться еще не открывшейся Америкой, он возлагал большие надежды: «Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [5, с. 798]. Необходимо воскресить этот союз и создать новый принцип взаимоотношений, благодаря которому произойдет возрождение подлинных отечественных ценностей. Цивилизаторская миссия России, обратившейся лицом к Азии, будет способствовать пробуждению русского духа и укреплению нравственных сил.

В конце XIX – первой половине XX в.в. экзистенциальные поиски Ф.М. Достоевского получили оригинальное преломление в творчестве Н. Бердяева, С. Франка, П. Флоренского и других мыслителей Русского Религиозного Ренессанса. Трагизм их судеб обусловил глубокую аксиологическую насыщенность философских текстов, в которых осмысливались особенности русского духа и мировое предназначение России. Размышляя о русском национальном характере и о задачах новой исторической эпохи, они требовали возвышения национального сознания до всечеловеческого уровня. Необходимым условием отечественного исторического пути они считали изначальную любовь к России, призванной обогатить культуру Востока и Запада.

Так, С. Франк,углубившийся в исследование русского мировоззрения, указывал на принципиальный радикализм русского духа, отвергающего в морали, искусстве, национальности всё относительное: «Оно обретает свою ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения» [3, с. 184]. Ценности русского духа, имеющего религиозно-мировоззренческие корни, не приемлют этической размытости и беспристрастности. Опорный метафизический пункт человеческой жизни ищется в понимании блага как принципа мироздания на пути к святости. Такая «сквозная» религиозность делает возможным тождество этики и онтологии, философии истории и социальной философии. По убеждению С. Франка, именно религиозная этика составляет главное содержание отечественной философской мысли. Примером такой этики, в которой добро понимается не как нравственное требование, а как живая бытийная сущность мира, является моральное учение Л.Н. Толстого. Русская этика неразрывно связана с соборностью – тем общинным чувством, что нашло отражение в размышлениях Достоевского о личной экзистенциальной ответственности за все зло, свершающееся в мире.

С. Франк подчеркивал, что единство индивидуального и универсального, составляющее основу соборности, выразилось в духовном коллективизме как самобытном

феномене русского мироотношения. Здесь речь шла не о личном спасении индивида, а о человечестве как целостном духовном организме универсума. Желая проникнуть в реальность действительного бытия и получить живое знание, русские мыслители отказывались от кантианства и стремились познать метафизическую открытость бытия. Отвергая как субъективизм, так и бесстрастный рационализм, они склонялись к мистико-спекулятивной теософии, опирающейся на интуитивное постижение жизненного опыта. Отсюда – эмоциональность авторов литературно-философских текстов, их обличительно-пророческий пафос, своего рода психологический онтологизм. В центре внимания всегда остается человек, судьба и сама сущность которого реализуется в социуме: «Тем самым русское мышление превращается в значительное историко- и социально-философское мышление» [3, с. 187].

В этом феномене обнаруживается духовный атрибут бытия, именуемый «правдой», не сводимой к привычному пониманию истины; скорее, это нравственное ядро макрокосма, освящающее общечеловеческое существование. Неслучайно все выдающиеся русские философы пытались внести свой вклад в улучшение нравов и социальное реформирование общества. Эти поиски новых жизненных путей, отмечал Франк, нередко уживаются с эсхатологическими мотивами, с устремленностью к великому мировому Преображению, что кардинально отличает русскую христианскую культуру от западной. Если зарубежная мысль традиционно воспринимала истинное бытие как находящееся вне сознания, то в России духовная жизнь никогда не ассоциировалась с неким эпифеноменом окружающей действительности: в ней усматривалась глубочайшая связь с трансцендентным.

С осторожностью относясь к идеям евразийства, в котором он видел своеобразную реинкарнацию славянофильства, и настаивая на самобытности русской культуры, Франк, то же время, с интересом изучал взаимовлияние отечественного и европейского философского наследия. По его убеждению, между русским и западноевропейским мировоззрением существует некое внутреннее родство: «Оно зиждется на общем происхождении: обе культуры, как западноевропейская, так и русская, в конце концов, происходят от сплава христианства с духом античности и являются лишь различными ответвлениями этого общего ствола» [3, с. 194]. Однако, подчеркивал философ, в западном мировоззрении превалирует картезианская «ЯФилософия», а русская мысль исходит из «МЫфилософии». Для русских «Я» изначально интегрировано в «МЫ», но это не означает безусловного подчинения личного общественному. Точно так же и «Я» в собственной свободе содержит в себе «Мы» как онтологический корень экзистенции.

Заметим, что размышления об особенностях русской ментальности весьма созвучны философским исканиям современности. Отечественные мыслители продолжают изучать специфику русского мировоззрения, опираясь при этом на признание культурного единства народов, населяющих нашу страну. В частности, не утрачивает актуальности работа Л. Гумилева «От Руси к России», в которой прослеживаются этапы становления и расширения Руси как суперэтноса. Анализируя долгий и сложный путь развития России, автор приходит к выводу о необходимости понимания этого пути как нелинейного процесса. Особо выделяется тот факт, что своей тысячелетней историей Россия обязана победе православия, которому неукоснительно следовали ее лучшие представители (пассионарии). Александр Невский, сделавший доминантой поведения альтруистический патриотизм, тем самым обозначил каноны устройства Руси: «Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях» [6, с. 170].

Московская Русь, знаменовавшая появление нового великорусского этноса, обретшая статус Святой Руси и с конца XV столетия именовавшаяся Россией, удержалась от распада благодаря православной вере и принципу этнической терпимости. Этот принцип лег в основу строительства российского государства такими историческими личностями, как Иван Калита, Дмитрий Донской, Иван III, Василий III. Москву XVI века Л. Гумилев характеризует как невероятный очаг пассионарности, обусловивший обретение естественных границ в XVIII столетии. Исследуя события «Смутного времени», он объясняет их борьбой за власть разных субэтносов в период акматической фазы этногенеза с присущим ему механизмом «работы» пассионарности. Отдавая должное героизму К. Минина и Д. Пожарского, ученый подчеркивает роль так называемых «безымянных пассионариев», которые, будучи определяющим элементом в этногенезе, обеспечили в 1612 г. победу над польскими интервентами.

Л. Гумилев обращает внимание на стойкость православной веры, свойственной русским, украинцам и белорусам, жившим на землях, остававшихся под властью Польши. По сути, русскими здесь считали себя все православные: «При этом русские, жившие в Русском государстве, четко отделялись от русских Польши и назывались "российские". Такое различие представляет типичную фиксацию общей суперэтнической принадлежности» [6, с. 313]. Культурное достояние Киевской Руси рассматривается автором как неразрывно слитое с наследием Руси Московской. Прослеживая историю отношений России и Украины, Л. Гумилев особо выделяет такую ментальную особенность русского характера, как терпимость к обычаям и нравам других народов, умение понимать и принимать уникальность их образа жизни. Эта черта русских людей обусловила увеличение этнического многообразия России, в том числе за счет восточных территорий: «Именно новая система поведения, созданная на старой идеологической основе – православии, – позволила России сказать свое слово в истории Евразии» [6, с. 382]. Почитавшийся на Руси принцип соборности позволил построить такую государственность, которая основывалась на признании прав и устоев всех населявших ее народов. Естественно, констатирует Л. Гумилев, евразийское главенство России вызывало противостояние со стороны Европы, а также Китая и мусульманского мира.

Что касается новаторской деятельности Петра Первого, то Л. Гумилев скептически оценивает ее как декоративную, полагая, что заимствование европейских нравов повлияло на отечественные поведенческие стереотипы, но никак не отразилось на циклах русского этногенеза. В XVIII в. российский суперэтнос органично охватывал территории от Карпат до Охотского моря (так завершилась акматическая стадия этногенеза), а в XIX в. наступила фаза надлома, длящаяся вплоть до конца XX столетия. Философ справедливо указывает на пагубную бесперспективность механического копирования западноевропейских ценностей и настаивает на императивах поведения, соответствующих российскому уровню пассионарности. В противном случае России грозит утрата самобытности и как следствие – неизбежная ассимиляция. Сохраняя веру в величественное будущее России, Л. Гумилев предрекает наступление инерционной фазы, поэтически отождествляя ее с тремя столетиями золотой осени, эпохой собирания плодов. Результатом этого процесса будет создание нашим этносом неповторимой культуры как основы жизни грядущих поколений: «Если же на обширной территории нашей страны проявят себя новые пассионарные толчки, то наши потомки, хотя и немного не похожие на нас, продолжат славные наши традиции. и традиции наших достойных предков» [6, с. 374]. Как видим, идеи Л. Гумилева, содержащие определенные дискуссионные моменты, остаются весьма познавательными и актуальными.

Новую концепцию евразийства предложил А.Г. Дугин, анализирующий пути развития России после развала СССР. Он рассматривает феномен евразийства и как направленную в будущее политическую философию, и как духовное учение, своего рода пророческую школу, в которой сливаются целые реки мысли. Назначение евразийства усматривается в возвращении народа к подлинной идентичности, способности творить свою судьбу. Обосновывая принципы философии евразийства, Дугин провозглашает народ абсолютной ценностью. Он подчеркивает открытость русского народа, его жизненную энергию и способность к беззаветной любви. Философ видит здесь глубочайшую связь с духом матери-земли, восприятие пространства как необходимой формы жизни, принятие вечности как объекта человеческого опыта, а России – как священного понятия, Абсолютной Родины. Россия, встроенная и в Европу, и в Азию, призвана пройти путь с Запада на Восток, чтобы возродить евразийство как онтологию и метафизику: «Путь к онтологическому истоку лежит сквозь Россию. Россия и есть этот путь, путь нового рождения, маршрут духовного возврата. Духовного, но одновременно и физического, и исторического, и политического, и культурного, и интеллектуального, и психологического, и эстетического» [7, с. 262].

Отвергая ценностные нарративы либерализма, А.Г. Дугин выступает против процессов тотальной унификации, охватившей современный глобальный континуум. Свобода, которую пропагандирует либерализм нашего времени, на деле означает замаскированное рабство, принуждение к освобождению от Бога и культурной самоидентификации в целом. Критикуя пародийное подражание Западу, философ предлагает новый резервуар смыслов неоевразийства как симфонической модели коллективной идентификации. Специфика евразийства усматривается в признании множественности культур и цивилизаций, в отрицании претензий западного логоса на универсальность. По убеждению Дугина, исторический процесс, плюралистичный по своей сути, проявляется в различных исторических моделях, каждая из которых имеет свой ритм. Россия с ее неповторимым ментальным духом представляет собой особый культурно-исторический тип, в котором европейские и азиатские черты соединяются не механически, а творчески, в результате чего она предстает уникальной, самобытной цивилизацией. Эта самобытность выражается и в православной вере, и в сохранении традиционных ценностей, и в феномене русского мессианства.

Катастрофические ситуации, в которых оказывалась Россия на разных этапах своей непростой истории, всегда использовались западными «партнерами» в разрушительных для нее целях. Сильная Россия опасна для недругов, поэтому и либеральные сценарии печально известных 90-х годов, и бесчестные происки европейских держав в условиях нынешнего военно-политического противостояния имеют целью раздробление и ослабление нашей страны. А. Дугин справедливо отмечает, что за пресловутой западной толерантностью скрывается агрессивное навязывание чуждых нам ценностей и смыслов. Евразийство же, опирающееся на русское начало, объединяет и обогащает множество национальных культур, близких и по языку, и по психологии, и по религиозным предпочтениям. Во все времена русские, преодолевая всевозможные лишения, несли в мир идеи света и добра. Несомненно, «...судьба России состоит в отстаивании ее самобытности, следовании собственным путем, защите своих оригинальных ценностей (православие, нравственность, справедливость, соборность, холизм и т. д.), противостоянии Западу во всех его формах» [7, с. 170].

Проблеме современной Евразии уделяют пристальное внимание отечественные ученые, исследующие понятие цивилизационных коридоров [4]. С их точки зрения, объединение Евразии осуществляется народами, владеющими цивилизационными

коридорами, то есть устойчивыми пространственно-временными каналами обмена экономическими, научно-техническими, художественными достижениями, материальными и духовными ценностями и пр. В ходе подобной «цивилизационной игры» Евразия сплачивается в единое сообщество: «Исторически цивилизационные коридоры обеспечили становление российской цивилизации как именно евразийской державы, позволившей ей обогатиться культурными достижениями и восточной, и западной мегацивилизаций, но сформировать при этом свой образ жизни, систему ценностей и государственные устои существования» [4, с. 138]. Результатом этого процесса должно стать становление ноосферного мегацивилизационного уклада, в котором России отводится роль лидера.

Анализируя духовное измерение цивилизационных коридоров, исследователи справедливо подчеркивают актуальность данной проблемы в эпоху цифровизации и деглобализации. Указывая на недопустимость цивилизационного эгоизма, они призывают к повышению потенциала этих коридоров, предназначенных обеспечить глобализацию нового типа, основанную не на кровавых конфликтах, а на мирном, конструктивном сотрудничестве. Страной, которая сможет возродить евразийские цивилизационные коридоры, должна стать Россия, способная путем культурного диалога сохранить вечные ценности. Будущая ноосферная эпоха может быть построена только на широком международном сотрудничестве культур и цивилизаций. Переход к этой эпохе «с приматом всестороннего развития человека над всеми другими политическими, социальными и хозяйственными соображениями, – только он и может разрешить накопившиеся проблемы человечества и отвести его от неуклонно приближающейся пропасти цивилизационного небытия» [4, с. 285].

Размышления отечественных философов о судьбоносной роли России во всемирном историческом процессе становятся особенно востребованными в наши дни, отмеченные глобальными экзистенциальными событиями. Необходимо объединить интеллектуальные усилия духовной элиты общества как его творческого авангарда, способного осуществить гуманистические вселенские проекты на основе научного анализа современных цивилизационных сдвигов. Безусловно, это нелегкая задача, требующая самоотверженного труда, глубокой ответственности, готовности к постоянному погружению в память опыта, в том числе и негативного. Извлекая уроки из ошибок и заблуждений, неизбежно сопровождающих процесс научного познания, наши ученые продолжают работу над созданием перспективных моделей будущего.

Таким образом, в идеях русских мыслителей XIX–XXI столетий отчетливо прослеживается преемственность, основанная на ментальных особенностях отечественного философствования, и прежде всего – на вере во вселенскую миссию России, на приверженности традициям православия и культовым этическим нормам национального самосознания. Отсюда – неподдельный патриотизм, органичное сочетание научного и художественного мышления, целостность трагического и оптимистического мироотношения. Несомненно, в наши дни творческое предназначение России обретает новые экзистенциальные смыслы.

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с. – (Мыслители XX века).
2. Лихачев Д. Заметки о русском / Дмитрий Лихачев. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.

3. Франк С.Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 739 с.
4. Иванов А. В. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода): монография / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, И. В. Фотиева [и др.]; под ред. А. В. Иванова, И. В. Фотиевой. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.
6. Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 392, [8] с. – (Историческая библиотека).
7. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / Александр Дугин. – СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 351 с.

REFERENCES

1. Losev A. F. Philosophy. Mythology. Culture. – M.: Politizdat, 1991. – 525 p. – (Thinkers of the 20th century). ISBN 5-250-01293-0
2. Likhachev D. Notes on the Russian / Dmitry Likhachev. – M.: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2014. – 480 p. ISBN 978-5-389-08666-1
3. Frank S.L. Russian worldview / S. L. Frank / Comp. and resp. ed. A.A. Ermichev. – St. Petersburg: Nauka, 1996. – 739 p. ISBN 5-02-028327-4
4. Ivanov A.V. Russia in the crossroads of spaces and times (experience of a synthetic civilizational approach): monograph / A.V. Ivanov, Yu.V. Popkov, I.V. Fotieva [etc.]; edited by A. V. Ivanova, I. V. Fotieva. – Barnaul: New format, 2025. – 303 p. ISBN 978-5-00202-794-1
5. Dostoevsky F. M. Writer's Diary / Comp., commentary A. V. Belov / Ed. O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2010. – 880 p.
6. Gumilev L. N. From Rus' to Russia / L. N. Gumilev. – M.: AST Publishing House LLC, 2002. – 392, [8] p. – (Historical Library). ISBN 5-17-012202-0
7. Dugin A. G. The fourth political theory. Russia and political ideas of the 21st century / Alexander Dugin. – St. Petersburg. : Amphora. TID Amphora, 2009. – 351 p. ISBN 978-5-367-01089-3

MENTAL FEATURES OF DOMESTIC PHILOSOPHY

N.N. Yemelyanova

This article examines the characteristics of Russian philosophizing that have shaped the existential choices of Russia's peoples. It examines the ideas of Russian thinkers who grasp the realities of both Russian and Western European existence. The theories of Russian philosophers are analyzed, embodying both rationally validated conclusions and the passionate search for truth characteristic of the Russian soul. It demonstrates that the mental characteristics of the Russian national character have shaped the specific nature of Russian philosophizing. The value principles underlying the ideas of Russian thinkers are unusually relevant in our time, which has absorbed both the successes and failures of the information universe.

Key words: Russian philosophizing, characteristics, mentality, Russia.

Поступила в редакцию 27.05.2026 г.

Емельянова Наталия Николаевна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк ДНР, РФ
E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru

Yemelyanova Natalia Nikolaevna
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Philosophy
FSBEI HE “Donetsk State University”
Donetsk, DPR, RF
E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru